

Александр Солодянкин

Моя Слободка и дядя Боря Березкин с площади Звезды

Мир меняется. Совсем не в смысле, что раньше трава была зеленее. Наше поколение жило в трех разных эпохах: до факса, во время факса и после факса. Аналогично сказать про видеоманитофоны, пейджеры и многое, многое другое.

В каждое время были свои открытия, удивления и... «тормоза». Если раньше бабушки судачили обо всем на скамейке перед подъездом, то теперь они телефонизировались и погружены в групповой чат и видеозвонки. Скамейки перед домами стали местом прибежища дворовых котов и случайно загулявших личностей, возвращающихся из гостей. Бабушки наблюдают с балконов и лоджий и тут же делятся новостями с давешними соседками по скамейке.

Так со временем и мне пришлось трансформироваться. Сначала укоротить дистанции ежедневных забегов. А потом и вовсе каждый выход из дома считать за событие. А поездка в город превратилась вообще в праздник.

Не знаю, как в других городах, но я всю жизнь ездю в Город. Сначала со Слободки, потом с судоремонтного поселка. Для каждого понятие Города свое. Так в детстве вечером ездили на «6-й район» за хлебом. Это был «6-й район» на Косвенной, а город начинался через две трамвайные остановки, по ту сторону Комсомольской. А с судоремонтного поселка минут пятнадцать троллейбусом до политеха, это в политех. А далее три остановки до вокзала, это уже Город. Наверняка у жителей Гимназической и обеих Арнаутских тоже есть свой Город, постепенно сужающийся в размерах и понятиях по мере приближения к Дерибасовской.

Более пятидесяти лет живя под самой крышей, чувствуешь себя по меньшей мере воздухоплавателем, когда на горизонте

в семь утра видишь, как взлетает киевский самолет. Мысленно в самолете готовишься к вечной бориспольской суматохе, чтобы потом через несколько часов оказаться в одной из европейских столиц. Апофеозом может служить воспоминание об одной из поездок, когда по пути в Киев загнул на память страницу в бортовом глянце, а через пару часов по пути в Европу оказался в том же самолете на том же самом месте, где и продолжил его чтение с отмеченной легким загибом уголка страницы.

А пролетающий в 7:45 прямо надо мной по дороге на работу жулянский Ан-24 просто уносит тебя в детство. Из нового дендропарка Победы в старый Дюковский, и тоже Победы. Заборы вокруг парка уже сняты, осталась только стена вдоль железки. На остальных участках о заборе напоминал невысокий бордюры из недоразобранного фундамента. Через проем в стене попадаем на импровизированное футбольное поле – пустырь между парком и железной дорогой. Четырьмя камнями обозначены двое ворот. И начинается футбол. Время исчисляется пройденными железнодорожными составами, сбитыми коленями и засохшей пылью вокруг пересохших ртов. Редкий футбольный матч оставался без приветствия машиниста зеленого луганского тепловоза, медленно и тяжело тянущего безразмерный состав с Заставы Первой на Сортировочную. После такого приветствия сам собою случался небольшой перерывчик, во время которого футболисты вслух считали вагоны. До спасительного крана во дворе оставалось еще несколько часов, а потом, напившись вдоволь, шли домой привести себя в порядок. После утоления жажды кушать совсем не хотелось. Домучив рожки с котлетой, начинали вечернее гуляние. Под рассказы старших пацанов «О королях Слободки» заодно уяснялась местная иерархия. В памяти остались разговоры про Бецала и Шанхая. Если Бецал был невысокий кучерявый парень, чем-то похожий на Яшку Цыгана из «Неуловимых», то Шанхай был высоким красивым парнем с длинными вьющимися волосами. За давностью лет рассказы про их «подвиги» отошли на задний план и покрылись местами патиной. Равно как и завершающие на ночь рассказы про черную руку, наводившие шорох на нас – малышню, и потом еще на многие поколения после. Это те герои, которые остались навсегда в нашем детстве.

Но самое острое чувство вечером, когда киевский самолет возвращается в Одессу и, включив фары, устало проползает на посадку буквально по крышам пятиэтажек. Игра воображения заставляет поверить в картинку его дневных путешествий. Благо разыгрываться воображению есть где.

Вечер заканчивается последним стамбульским рейсом, когда турок резко и очень красиво набирает высоту и уносится к красотам и прелестям средиземноморского «олл-инклюзива».

Умом понимаешь, что почти одновременно взлетающее МАУ (в разговорном обиходе – «МЯУ»), вечно загруженное подарками для прагматичных родственников, не может позволить себе такой лихой маневр, но красота – это великая сила, и не нам опровергать эти аксиомы жизни.

Все эти наблюдения чем-то напоминают героев «Безымянной звезды», прогуливающих по станционному перрону во время прохождения скорого поезда «Бухарест – Синая». Поэтому постоянно стараешься уйти с этого перрона, а еще лучше – улететь. Улетать получалось, но, стоя на Монжуике и любуясь восхитительной панорамой, прорезанной неземными шпилями «Саграды», при виде пяти самолетов, одновременно по длинной дуге заходящих на посадку, почему-то сразу хочется домой на перрон провожать проносящуюся мимо жизнь в скором поезде...

Может, это просто старость подкралась незаметно. Или, как у Ахмадулиной, «...Хорош ты, град Петров, да надобно домой».

А при чем же здесь дядя Боря Березкин?

Постараюсь ответить.

Первые воспоминания в жизни связаны со Слободкой. На свадьбе сестры я со сверстницей лазаю под длинным, через всю комнату, столом под предостережения старших о битом стекле. Это уже потом выяснилось, что родился на Пересыпи, в начале Московской. Тяга к путешествиям с раннего возраста преследовала меня и звала в дорогу. В полуторагодовалом возрасте, согласно семейной легенде, через четыре двора я попутешествовал и нашел сестру у подруги. Не это ли истоки «испанской грусти», непонятной классике?

Итак, Слободка. Новые дома на площади Звезды. Обоих топонимов не найти на карте. Новые дома – это нечетная сторона

Студенческой улицы, застроенная двухэтажными домами. Это уже потом, в девяностые, давно уехав из этого патриархального райончика, узнал, что наши дома в округе до сих пор звались новыми. Для одноэтажной Слободки это были практически небоскребы. Название улице дал экипаж «вышки», откуда утром колонны курсантов отправлялись на занятия. Путь лежал через Фрунзе вверх по Курсантской лестнице на Дидрихсона. Курсантская лестница пестрела надписями о «любимых» курсовых офицерах.

Под вечер вектор движения курсантов сменялся на противоположный, причем отдельные из них не заканчивали движение у экипажа, а доходили до верхнего конца улицы и швартовались у Макара Анисимовича. Знаменитый председатель знаменитого колхоза Герой Соцтруда Посмитный открыл на так и не названной площади Звезды колхозный магазин, в котором в изобилии были плоды полей и огородов не только в твердом, но и в жидком виде.

Интереснее с площадью. Как мне кажется, это единственное место в Одессе, где одновременно сходятся (или расходятся, как лучи звезды) пять улиц: Маловского (бывшая Студенческая), Парковая, Рачкова (одно время Мориса Тореза – бедняга Торез свихнулся бы, выясняя, что общего у него с Одессой вообще и с этой улицей в частности), Нерубайская и Левадная.

Идеологическим центром площади служила афишная тумба высотой метра два-три, сделанная из отрезка большой толстой трубы. Внутри трубы пацанами был оборудован наблюдательный пункт. Жители Слободки узнавали из афиш и объявлений о культурных новостях города. А тумба была обязана пытаться приобщить жителей округа к прекрасному. Очень привлекали внимание афиши музыканта с экзотической фамилией Крыса, периодически гастролировавшего тогда в Одессе. Редкий прохожий оставлял без комментариев эту экзотику.

Сходящиеся в точку улицы были не похожи друг на друга. Утро начиналось в четыре часа звонками первых трамваев, идущих на работу на Пересыпь. И заканчивалось во втором часу ночи последними трамваями, плетущимися в депо. Иногда, правда, вагонновожатый торопился глубокой ночью, и тогда трамвайный грохот будил соседей. А пыль после долго не могла осесть. По трем из улиц ходил трамвай, причем на двух из них было выделенное

полотно, и только на Нерубайской, застеленной грубой брусчаткой, трамвай занимал практически всю проезжую часть односторонней улицы. В детстве захватывало дух от редких лихачей, врывающихся «под кирпич». Ведь приближение трамвая было слышно всем, кроме обезумевшего лихача, пытавшегося сэкономить три минуты на объезде по соседним улицам. Студенческая была дорогой в город. Говоря шире, в большую жизнь. По ней ехали утром на работу, соседи по ней отправлялись на грузовиках, наполненных домашним скарбом, на новые квартиры. И, конечно, это была дорога к морю. Как покататься в Лузановке, тогда единственном песчаном пляже в черте города, так и уйти в рейс. Соседями были в основном отставные военные моряки, но некоторые из них в то время еще проходили службу. В играх вместо солдатиков использовались гильзы как от патронов военного времени, найденные просто во дворе, так и современные гильзы, привезенные живыми родителями с Севера, приехавшими в отпуск.

По Парковой ходили на Поселок ЗОР и в Мичуринский садик, где каждую осень по вечерам натрушивали орехи. С этим связаны запахи осени: специфический запах ореховой скорлупы на желтых от нее руках и тонкие вечерние пряные туманы от жженой прелой листвы. Запрет жечь листву стал выполняться гораздо позже.

Улица Рачкова – это дорога через Русский скверик, бывший кладбищем еще каких-то лет восемьдесят назад, в школу и больницы, построенные на Полевой улице, образованной чертой последнего порто-франко в нашем городе. Из школы, сделавшей не только меня человеком, запомнились семейные легенды учителей, рассказанные на классных часах. Про чуму, холеру, войну и еще про многое. Эти рассказы стали отправной точкой, неким побудительным мотивом для открывания нового про город и его нерядовых жителей.

А по Левадной все ходили на Слободку. Тут тоже работал некий стереотип по аналогии с Городом, о чем писал выше. Дорога на базарчик была целым путешествием с ритуалом: посидеть в жаркую погоду на низком грибке пожарной колонки, верхний козырек которой очень напоминал немецкую каску, которые в то время еще находили на свалках. Во взрослом возрасте я безуспешно пытался сесть на него, постоянно сваливаясь. Лет

двадцать назад он бесследно исчез, уступив место асфальту расширяемой проезжей части вместо грунтовок, пыль от которой при ветре поднималась красивыми вихрями над одноэтажными домиками, окна некоторых из них буквально врастали в землю. Покрашенные зеленой краской рамы частично восполняли недостаток живой зелени под окнами.

Только по Нерубайской дальше летнего кинотеатра никогда не бывали. Улица упиралась в Слободское кладбище. Это уже потом, будучи взрослым, узнал, что там покоилась жена Воронцова, но это уже совсем другая история.

Если с площадью Звезды немного прояснилось, то при чем же здесь все-таки дядя Боря Березкин?

Так вот, на безымянной площади всегда находился центр общения: продовольственный магазин, миниатюрный дом быта, уже упомянутая лавка, в обиходе коротко называемая «Посмитный», и молочная будка, или «тетя Аня». Главным среди них был, конечно, продмаг. Хотя слова «продмаг» в детстве я даже никогда и не слышал. Это был просто магазин. За долгую жизнь там сменилось уже три строения, а поколений продавцов и не счесть. В детской памяти остался мой первый магазин с округлыми витринами прямо из «Книги о вкусной и здоровой пище» еще сталинских времен. В основном тот момент, когда его развалили, и за развалкой стоял новехонький магазин с большими, сверкающими чистотой окнами. Покупатели ходили туда по остаткам пола старого магазина, а после его разборки мальчишки искали и находили диковинные дореформенные белые монеты, которые, в отличие от медяков, не продолжили хождение после 1961 года.

В магазине продавалась колбаса, сыр, крупы и консервы. Вероятно, и алкоголь, но в детской памяти это не зафиксировалось. По бокам продовольственного магазина наличествовало еще два окна: слева продавался хлеб, а справа – пиво-воды. Такое соседство объясняет любовь слободских мужчин к хлебу. Ведь сразу после его покупки можно было в соседнем окошке утолить жажду. Хлебом торговал дядя Боря. Это был крупный мужчина с крупными чертами лица и большой головой, которую только и было видно в маленьком прямоугольном окошке хлебной будки, которая была неотъемлемой составной частью магазина.

На нем всегда был надет белый жакет. Жакет на нем можно было увидеть, когда приезжала хлебная машина, и он выходил на улицу принимать ароматный товар. Запах свежего хлеба всегда рождал желание вгрызться всеми еще тридцатью двумя зубами в обалденно вкусную корочку. Так что домой приносил заметно обглоданную буханку, с перебитым аппетитом. Этот далеко не молодой человек своим неторопливым доброжелательным разговором внушал всем окружающим спокойствие и уверенность в качестве продаваемого хлеба.

Однажды дядя Боря говорил со своим собеседником, расположившимся где-то внутри его будки, на каком-то непонятном языке. Сразу молодежь, воспитанная на «Подвиге разведчика», «Мертвом сезоне» и «Щите и мече» (до знакомства со Штирлицем оставалось еще три-пять-семь лет), что-то заподозрила. На мой вопрос мама ответила, что это он говорит на своем языке. Простая русская женщина не знала названия этого языка, а до моего знакомства с особенностями местных национальностей, да и вообще с национальностями, оставалась еще уйма времени.

Это уже далеко потом я понял, что они обсуждали не предстоящую октябрьскую демонстрацию, а ход Шестидневной войны и связанные с этим последующие события. А вскоре вместо дяди Бори появился новый продавец.

На этом можно было бы и поставить точку. Но я понял, что не могу ответить себе на вопрос, когда в мою жизнь, мое сознание вошли национальности. И когда я понял, что чем больше национальностей, тем интереснее жить. Но твердо уверен, что каждому в жизни должен пораньше повстречаться свой дядя Боря, который заставит задуматься.

Слободка, Слободка... Ты со мной всю жизнь...

